

А. С. Шейнгауз

ОСВОЕНИЕ ЛЕСОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ ПРОДУКТИВНОСТИ С СЕРЕДИНЫ XIX ДО СЕРЕДИНЫ XX В.

В 1971 г. была опубликована статья об освоении лесов Дальнего Востока до середины XIX в. [57]. Несколько раньше увидели свет работы [22 и др.] об освоении дальневосточных лесов, использовании их продуктивности и развитии лесного хозяйства с 1948 г. по настоящее время. Предлагаемой статьей делается попытка завершить историко-экономический очерк освоения лесов Дальнего Востока.

Первый «амурский сплав» 1854 г. положил начало постоянному, в какой-то мере регулировавшемуся, заселению Дальнего Востока и освоению его богатств. В последовавший столетний период на землях дальневосточной окраины страны, лишь отчасти занятых редкими племенами, стоявшими на начальных ступенях развития, возникли города и села, были проложены дороги, построены заводы и фабрики, распаханы поля. В этом столетии можно выделить две неравнозначные по содержанию, форме и длительности эпохи: с середины XIX в. до 1922 г. — капиталистическая, с 1923 г. — социалистическая. Каждая из эпох наложила характерный отпечаток на освоение лесных ресурсов, изменение их продуктивности и развитие лесного хозяйства Дальнего Востока.

Освоение лесных ресурсов и изменение их продуктивности при капитализме.

Процесс освоения территории с помощью переселенцев из других районов страны на Дальнем Востоке, как и на других окраинах Российской империи,

© Шейнгауз А. С., 2008

Шейнгауз А. С. Освоение лесов Дальнего Востока и использование их продуктивности с середины XIX до середины XX в. // Повышение продуктивности лесов Дальнего Востока: сборник трудов ДальНИИЛХ. М.: Лесная пром-сть, 1973. С. 84—110.

являлся капиталистической колонизацией. Однако переселенческая политика несла в себе противоречивые черты, отражающие борьбу буржуазии и феодальной верхушки.

Заселение и сельскохозяйственное освоение территории, развитие капитализма в сельском хозяйстве, а затем зарождение и развитие капиталистической промышленности, формирование земельной политики со всеми ее противоречиями создали тот фон, на котором складывалось и развивалось на Дальнем Востоке освоение и использование лесов до 1922 г. При этом можно выделить четыре периода, отражающих этапы развития экономики региона и связанные с этим этапы освоения лесов и развития лесного хозяйства. Эти периоды близки к периодам, предлагаемым другими исследователями [16; 41 и др.].

В первом периоде (1855–1882 гг.) возникновение сел и станиц почти сразу стало сопровождаться раскорчевкой лесных площадей. При расчистках широко применяли огонь. Участки обрабатывали в среднем 10 лет. Песчаные почвы выпахивали через 8 лет, а глинистые — через 15–20. В результате подсечная система земледелия охватывала все новые участки. Вокруг сел через некоторое время появлялись пустыри, поля отодвигались и, наконец, село бросали и переходили на другой участок. Примеров перехода переселенцев в другие села довольно много — более двадцати при относительно небольшом количестве поселений в этот период [10; 21 и др.].

В результате воздействие переселенцев на территорию было значительно большим, чем должно быть при системах землепользования и земледелия, применявшихся уже в то время в России и в развитых странах мира. Но там, где расширение площадей или переселение на другие участки становилось невозможным, подсечное земледелие постепенно сменялось подсечно-переложным, а к концу первого периода — переложным, при котором лес уже не является обязательным элементом оборота хозяйства.

К концу первого периода сельское хозяйство охватывало примерно 0,05% площади Дальнего Востока, для Амурской области эта доля поднималась до 0,15, Приморского края — 0,3, а осваиваемых в первую очередь лесоэкономических районов, например Приханкайского, — до 2%. Население за первый период выросло почти втрое и составило около 160 тыс. человек¹.

Древесина была основным строительным материалом. Она выдавалась переселенцам в виде натурального пособия (иногда в виде разрешения рубить строевой лес вне надела). Часть сел, поставленных на открытых местах, испытывала трудности в доставке древесины к месту строительства [29; 30],

¹ Всюду, где не оговорено, приводится современное административное деление. Количественные характеристики населения, промышленности, сельского хозяйства рассчитаны автором по материалу, который удалось собрать в литературных и архивных источниках.

в результате на первых порах иногда строились землянки, хаты из плетней, обмазанных глиной, и т. д. Большинство городов были основаны на месте векового леса (Хабаровск, Владивосток, Николаевск-на-Амуре, Софийск). Через 14 лет после основания в Николаевске-на-Амуре все 572 дома были деревянными. Во Владивостоке через 12 лет после закладки города было 105 деревянных и лишь 4 кирпичных здания [3; 42].

Развитие экономики, строительство городов связаны с возникновением промышленности. В первый период переселения промышленность развивалась медленно и односторонне. Основными отраслями были добывающая и пищевая. Но промышленность сразу развивалась как фабрично-заводская [49]. На заводах применялись паровые двигатели, которые в промышленности Дальнего Востока работали в те годы на дровах.

Одним из необходимых условий роста крупной машинной индустрии являлось развитие промышленности, дающей топливо и материалы для строительства. В результате возникла лесная промышленность, под которой В. И. Ленин понимал «...исключительно приготовление леса *на продажу*»¹.

В этот период для снабжения древесиной городов вырубали лес по склонам Хехцирского хребта, позже по рекам Бикину, Алчану, Кие, Иману; по Амуру в Игнашинском, Албазинском и Черняевском казачьих округах, в современном Комсомольском районе [34; 35 и др.]. Во многих селах жители занимались заготовкой дров для пароходов. От Хабаровска до Мариинска через каждые 30–40 верст стояли «станки», заготавлившие дрова для казенных пароходов [30]. Труд по заготовке древесины был тяжелым. Основными инструментами являлись топоры, а спросом пользовались крупномерные бревна и древесина твердых пород (для дров). Ужасны были условия лесозаготовок на сахалинской каторге. Срубленное бревно каторжник в одиночку спускал с горы на морской берег, тащил его бечевой по морю, а затем от берега до места постройки, иногда 10 км. Еловые бревна имели при этом толщину до 70 см, а длину до 21 м [1].

Промышленные заготовки леса развивались не только в переселенческих районах, но и в более северных территориях. Однако одновременно существовал лесной импорт на Камчатку с Аляски [7].

С 1859 г. предпринимались попытки лесного экспорта, но они потерпели неудачу, прежде всего из-за препятствий, чинимых администрацией [52].

Потребление древесины увеличивалось достаточно быстро. Это подтверждается относительным ростом цен. Так, по рынку г. Благовещенска с 1860 по 1881 г. пшеничная мука подорожала на 133, мясо — на 157, а дрова — на 248%.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 3. С. 525.

Выяснение величины прошлого потребления древесины на Дальнем Востоке — трудная задача, так как учет действительного отпуска леса был налажен лишь в последние 20–30 лет. Нами сделана попытка расчета на основе нормативов потребления и количества потребителей. Нормы установлены из анализа различных, часто противоречивых, источников. В расчетах норма потребления на душу сельского населения на Дальнем Востоке принята 6,5–7 м³/год с колебаниями от 5 м³ в малолесных районах до 9–10 м³ в многолесных; для потребления древесины городским населением — 4 м³ [4; 9; 18; 27; 43 и др.]; для коренного населения — 5 м³ [57]. В норму включены дрова для отопления и деловая древесина для ремонта. Для нового переселенческого строительства принята норма 100 м³ на семью [39; 52 и др.].

По остальным видам расхода древесины приняты следующие нормы (м³): добыча золота — 300 на 1 пуд [9; 48]; водный транспорт — 7000 в год на 1 пароход [56]; лесопиление — 18 на 1 тыс. руб. продукции; дегтекурение — 28 на 1 тыс. руб. продукции; спичечное производство — 23 на 1 тыс. руб. продукции; размол муки — 13 на 1 тыс. пудов; винокурение — 7 на 1 тыс. руб. продукции; пивоварение — 84 на 1 тыс. ведер; маслобойное производство — 99 на 1 тыс. пудов; вытопка сала — 143 на 1 тыс. пудов; кирпичное производство — 4 на 1 тыс. шт.; выжиг извести — 39 на 1 тыс. пудов; литейно-механическое производство — 58 на 1 тыс. руб. продукции; мыловарение — 112 на 1 тыс. пудов [5; 6; 24]; железнодорожное строительство — 300 на 1 км, эксплуатация железной дороги при дровяном топливе — 270 на 1 км в год [9; 39]; добыча угля — 0,1 на 1 т [9, 17, 18 и др.]; тара для рыбной продукции — 0,7 на 1 т¹.

Распределение расчетного потребления древесины по территории Дальнего Востока приведено в таблице 1.

Таблица 1

Динамика потребления древесины на Дальнем Востоке с середины XIX в. по 1922 г., млн м³

Край, область	Середина XIX в. [57]	Годы			
		1882	1889	1917	1922
Приморский	0,03	0,2	1,5	1,8	2,3
Сахалинская	0,02	0,1	0,2	1,2	4,2
Хабаровский	0,1	0,5	0,5	1,5	1,1
Амурская	0,05	0,6	0,6	3,1	2,0
Камчатская	0,04	0,05	0,1	0,2	0,2
Магаданская	0,04	0,04	0,1	0,1	0,1
Дальний Восток	0,3	1,5	3,9	7,9	9,9

¹ Камчатский гос. обл. архив, ф. 541, оп. 1, д. 154, л. 56.

Промышленное потребление к концу этого периода было еще небольшим и составляло около 10 тыс. м³/год для фабрик, паровых мельниц и т. п. Около 0,1 млн м³ потреблялось для добычи золота и примерно 0,4 млн м³ сжигали в своих топках пароходы. На новое строительство переселенцев требовалось 20 тыс. м³, и около 1 млн м³ расходовалось остальным населением.

Следовательно, уже к концу первого периода освоение дальневосточной территории должно было вносить изменения в лесные ландшафты, которые заключались прежде всего в сводке леса возле новых городов и крупных поселков: вокруг Хабаровска, около Николаевска, на п-ве Муравьева-Амурского, на Русском острове, в Дуйской пади и Александровской долине на Сахалине, по берегу р. Амура возле Благовещенска, по р. Зее и т. д. [1; 10; 17; 34 и др.]. Не меньшим было обезлесение окрестностей старых городов, находившихся в более жестких лесорастительных условиях северной части Дальнего Востока, например Петропавловска-Камчатского [52].

Общественность нового края, а также наиболее дальновидные чиновники администрации понимали, что одно из основных богатств Дальнего Востока — лес — требует охраны и правильного ведения хозяйства.

В первые годы эксплуатация леса для внутреннего потребления не облагалась ограничениями и пошлинами [52], делались лишь попытки соблюдать интересы переселенцев.

В 1859 г. была организована «специальная лесоисследовательская экспедиция» под руководством талантливого исследователя и организатора А. Ф. Будищева, которая, несмотря на малочисленный состав и огромные трудности работы в неосвоенном крае, впервые описала и картировала леса на огромной площади: по Амуру с его притоками ниже Хабаровска и на всей территории современного Приморского края и юга Хабаровского. Эта экспедиция позволила получить первые сведения о лесах заселяемых районов.

В 1863 г. в связи с разрешением лесоэкспорта из Императорской гавани в виде опыта на 5 лет введены первые на Дальнем Востоке «Правила о рубке леса и о лесной промышленности в Приморской области», рассматривавшие в основном организационно-фискальные вопросы. Из лесоводственных мер в Правилах содержалось лишь категорическое условие не допускать лесных пожаров. Рубка разрешалась только на отведенных участках — для внутреннего употребления беспошлинно, а для экспорта по таксе: в среднем 2,5 руб./м³ за деловую и 10 коп./м³ за дровяную древесину. Судостроительную древесину рубили только по разрешению губернатора, остальную — без ограничений. Самовольную порубку облагали штрафом по тройной таксе и секвестром [34].

В том же году помощник А. Ф. Будищева А. Г. Петрович был назначен в Императорскую гавань лесным надзирателем, что положило начало дальневосточной лесной охране. В помощь ему была послана команда матро-

сов [34]. В 1864 г. он произвел с А. Ф. Будищевым первую в истории Дальнего Востока таксацию леса на площади 13 тыс. га [47].

Первые правила практически не оказали никакого влияния на положение в лесах Дальнего Востока. Вот что писал один из путешественников в конце 1860-х годов: «Что касается до лесного хозяйства, то даже самое это слово здесь (на Дальнем Востоке. — А. Ш.) вовсе неуместно; если оно звучит довольно странно даже и тогда, когда речь идет о Европейской России, то его совершенно должно исключить из страны, где почти не существует населения» [2, с. 47].

В 1872 г. А. Г. Петрович был назначен запасным лесничим на п-в Муравьева-Амурского и о. Русский. В 1875 г. здесь была учреждена лесная стража и организованы первые объезды. В 1877 г. он стал первым лесным ревизором Приморской области [34]. Все эти преобразования свидетельствовали о постепенном признании роли лесного хозяйства в экономике края и проводились благодаря инициативе и настойчивости А. Г. Петровича, которого можно считать основателем лесного хозяйства Дальнего Востока.

В 1877 г. были введены новые правила рубок, учитывавшие ряд лесоводственных требований. Рубку проводили по билетам в строго ограниченные сроки (с 15 ноября по 15 марта) без предоставления отсрочки. Лесосека должна была очищаться от сучьев и вершин, а выработка лесоматериалов допускалась только в отведенных нелесных участках. Не разрешались выжиг лугов и сенокосов вблизи лесов, выжигание угля в захламленных участках, оставление непогашенных костров. Запрещались древесно-грибной промысел и устройство охотничьих завалов [34]. Эти же правила вводили впервые таксы для всех лесопользователей: в среднем 50 коп./м³ за деловую и 1 коп./м³ за дровяную древесину. Правила 1877 г. были шагом вперед, но они применялись лишь около Владивостока, где имелась лесная стража. В остальных частях бывшей Приморской области их не придерживались.

Потребности формировавшейся лесной промышленности, стремление дальневосточных капиталистов выйти на международные лесные рынки побуждали к пересмотру запретительной политики в отношении лесозаготовок. В 1878 г. специальная комиссия при генерал-губернаторе высказалась против развития экспортных лесозаготовок в бывшей Приморской области, считая, что это отвлечет переселенцев от земледелия и поведет к истощению лесов. Специальный комитет Министерства госимуществ в 1880 г. выступил за разрешение рубки на экспорт, считая развитие лесной промышленности средством колонизации края. Условием такого развития он считал исследование лесов, разработку лесохозяйственных правил и усиление личного состава лесных специалистов [34]. Эти противоречивые высказывания отражали борьбу феодального и капиталистического подходов к освоению дальневосточных лесов.

В результате всех обсуждений в 1881 г. введены «Правила для рубки леса в Южно-Уссурийском крае». Они рассматривали в основном вопросы организации лесопользования и совершенно не касались лесоводственных вопросов, поэтому могут считаться шагом назад по сравнению с правилами 1877 г.

В том же году введены «Временные правила рубки и вывозки лесоматериалов и добывания извести в казенных лесах на полуострове Муравьева-Амурского», которые учитывали лесоводственные требования и были близки к правилам 1877 г. В дополнение предусматривался запрет рубки сырорастущего леса примерно южнее линии Лянчихе — Шамора, что смыкалось с введенным ранее запретом рубки леса на о. Русском. Запрещалось рубить молодой кедр, сосну, ель, дуб, лиственницу, клен, орех, а также истреблять «самые маленькие деревца». Огневые работы по выжиганию извести, угля и выгонке смолы разрешалось вести только на берегах заливов [34]. В целом эти правила были точнее и подробнее правил 1877 г. и могут считаться их логическим развитием. В отличие от других мест в районе Владивостока действительно создалась обстановка, позволяющая проводить эти правила в жизнь.

Одновременно вводились таксы на древесину. На п-ве Муравьева-Амурского в среднем приходилось платить (коп./м³): за деловую древесину — 36, сырорастущие дрова — 2, сухостой и валеж — 1. На остальной территории бывшего Южно-Уссурийского края такса на деловую древесину была в среднем 79, а на дрова — 3 коп./м³. В 1882 г. эта такса была распространена на остальную территорию бывшей Приморской области с понижением ее на 1/3 [12]. В пределах бывшей Амурской области средняя такса в разных районах колебалась за деловую древесину от 5 до 15, а за дровяную — от 1 до 2 коп./м³. Таким образом, таксы, введенные в 1881–1882 гг., были примерно на уровне такс 1877 г. или ниже их (местами значительно) и намного ниже такс 1863 г. Это создавало более льготные условия для развития лесной промышленности.

Введение такс позволяло окупить лесную охрану и в то же время делало необходимой организацию аппарата по взысканию лесного дохода, т. е. той же лесной охраны.

Таким образом, к концу первого периода освоения Дальнего Востока стала общепризнанной необходимость организации правильного лесопользования и создания лесной охраны на всей территории, была введена таксовая оценка всех лесов и установлены правила рубок для наиболее быстро осваиваемых районов юга края.

Во втором капиталистическом периоде освоения лесов Дальнего Востока (1883–1899 гг.) приток переселенцев стал многочисленнее и устойчивее по годам. Основная их масса стала оседать не только на юге Амурской области, но прежде всего на юге Приморского края. Общая численность насе-

ления региона возросла до 0,5 млн человек. Система землепользования сохранялась та же, что и в предыдущем периоде. Посевная площадь с 1882 по 1899 г. увеличилась в 4 раза. Сельскохозяйственное воздействие охватило около 0,3% территории Дальнего Востока, 1,5% территории Приморского края, 7–8% площади Приханкайского и около 10% Свободненского лесозонамических районов. В результате изменение ландшафтов и микроклимата отдельных участков стало отмечаться даже населением.

В сельском хозяйстве усилилось разложение крестьянства, образовались кулацкие хозяйства, шел рост числа арендаторов и сельскохозяйственных рабочих [14], что способствовало расширению рынка рабочей силы, используемого также промышленностью, в частности лесной.

Характер сельского потребления древесины несколько изменился, так как среди переселенцев большая доля приходилась на выходцев с Украины, а также корейских иммигрантов, которые традиционно использовали меньшее количество древесины. В то же время у коренных народов Дальнего Востока происходило внедрение срубов русского типа [15; 44].

Значительно быстрее развивалась промышленность. К концу периода на Дальнем Востоке было 224 завода с почти 5 тыс. рабочих. Удвоилось число пароходов в бассейне Амура. В 1891 г. было начато строительство Уссурийской, а в 1897 г. Китайско-Восточной железных дорог [37; 49 и др.]. Железная дорога открыла выход дальневосточной древесине во Владивосток, а через него — на мировой лесной рынок.

Спрос на древесину рос быстро. С 1890 по 1899 г. в бывшей Приморской области он вырос в 10 раз. Главное значение для строительства имели кедр, сосна, лиственница, иногда ель. Для поделок ценили бархат, акатник. На дрова и частично в поделку шли дуб, ильм, ясень, береза, осина, липа, клен, пихта. Для пароходов самыми лучшими считались дрова твердых пород, особенно лиственничные, липа и осина шли в редких случаях [5; 6; 56; 37].

Древесина являлась сырьем для многих изделий, и ее обработкой занималось много ремесленников. Так, с 1894 по 1899 г. в Благовещенске от 46 до 53% всех ремесленников было связано с деревообработкой. Произошло также становление деревообрабатывающей промышленности: к 1899 г. действовало десять лесопильных заводов и одна спичечная фабрика, оснащенные паровыми двигателями.

Лесопромышленные заготовки распространялись по территории региона и достигли даже Охотского побережья Хабаровского края. Но рубили по-прежнему в 1–2-километровой полосе вдоль сплавных рек и в наделах переселенцев. В результате рубки как бы расходились концентрическими кругами от поселков. Вырубали также леса вдоль вновь проводившихся дорог, например, по дороге Владивосток — Раздольное, Шкотовской дороге и т. д. Дрова

составляли основную массу заготавливаемой в государственных лесах древесины. В 1899 г. на них приходилось древесины (%): 72 — отпущенной из Хехцирской лесной дачи, 85 — из Хабаровской, 92 — из Софийской. Почти всю деловую древесину отпускали в виде бревен [52; 58 и др.]. Методы и способы рубки и обработки древесины на лесосеке существенно не изменились. Крупная лесная промышленность еще не сформировалась.

К концу периода потребление дров стало относительно сокращаться из-за перехода все большей части заводов на каменный уголь.

Отдельные партии леса (до 20 тыс. м³) отправлялись на экспорт, но он еще не стал постоянным.

К 1899 г. потребление древесины достигло, по нашим расчетам, 3,9 млн м³ (см. табл. 1), в том числе 2,6 млн м³ потреблялось населением; 0,2 — заводами, золотодобычей и железной дорогой; 0,4 — пароходами; 0,6 — вновь прибывающими переселенцами. Для обеспечения такого потребления необходимо было проводить лесозаготовки примерно на 50 тыс. га, т. е. рубки главного пользования стали существенным фактором изменения природной обстановки, особенно в заселяемой полосе.

Рубки строевого леса вели выборочными способами, рубка дров иногда приобретала характер сплошной, особенно возле таких крупных потребительских центров, как Владивосток. Ценные сортименты, например дубовые бревна с диаметром в верхнем отрубе 36 см и более, которые были вдвое дороже кедровых, вырубали на прииск. Учет рубок по количеству создавал условия для хищничества, и не менее 1/3 вырубленной древесины оставалось лежать на лесосеках без всякого ущерба для заготовителей [51].

Беспощадные рубки с пожарами вели к уменьшению площади лесов. В течение этого периода оказались обезлесенными 10-верстная полоса вдоль берега моря в районе Посъета, окрестности Владивостока, Турьего Рога, Астраханки, Троицкого, Никольского (ныне Уссурийск), Покровки, Императорской (Советской) гавани. В Приханкайском лесоэкономическом районе лесоистребление вышло на линию Ляличи — Черниговка — Спасск, т. е. восточнее железной дороги. Рубки проводили также по рекам Алчану, Култухе, Ваку, Хору и Кие. Частые лесные пожары отмечены для этого периода в современной Еврейской автономной области, у устья Амура, на материковом и сахалинском побережье Татарского пролива, в Охотском лесоэкономическом районе [17; 21; 37; 58 и др.]. Таким образом, лесоистребление наряду с лесопользованием охватило многие районы Дальнего Востока.

В 1883 г. охрана леса охватила весь юг Дальнего Востока: 11 объездчиков стали охранять леса части Хабаровского края южнее г. Хабаровска и всего Приморского края, 4 объездчика — леса Амурской области [34]. Из-за малочисленности стражи ее функции возлагались также на крестьянских и

казачьих начальников¹. В 1888 г. на Дальнем Востоке был введен штат из 7 лесничих, подчинявшихся через лесного ревизора генерал-губернатору, а не Министерству госимущества.

В 1891 г. во Владивостоке состоялся съезд лесничих, а в 1893 г. была введена «Инструкция о порядке заведования государственными имуществами в Приамурском крае». Анализ инструкции и программы съезда дан Ю. И. Манько и А. Ф. Журавковым [32], и повторять его нет необходимости. К их анализу следует лишь добавить, что в результате съезда в 1892 г. была почти удвоена против 1881 г. такса на кедр с целью его сбережения [12]. Одновременно поднята такса и на другие породы. Впервые на Дальнем Востоке введены таксовые разряды: 1-й — при вывозке к сухопутной дороге до 16 км и к сплаву — до 10,7 км; 2-й — во всех остальных лесах.

Правила отпуска леса 1893 г. устанавливали в бывшей Приморской области два разряда такс, но по смыслу они более соответствовали современным поясам такс. Вновь повысилась такса на кедр: 1 м³ деловой древесины по I разряду стоил в среднем 1 р. 07 коп., по II — 71 коп. Дрова стали дороже — от 2 до 20 коп./м³. Цена деловой древесины остальных пород почти не возросла. Таксы для Амурской области также повысились в 4–5 раз на деловую древесину (в среднем 57 коп./м³) и в 2–3 раза на дрова (4 коп./ м³). Запрещалась рубка бархата, ореха, акатника и ильма для изготовления шпал, кольев, полозьев, оглобель и дров. При выработке из этих пород разрешенных изделий такса на них была втрое выше цены кедра I разряда.

Таким образом, в построении такс 1893 г. видны попытки введения экономических рычагов в дело лесоохраны. Но они не были подкреплены достаточными штатами лесной охраны: в том же году, например, вся лесная охрана бывшей Амурской области состояла из 1 лесничего и 20 лесных стражников.

Были введены таксы и на Сахалине. Они составляли около 35 коп./м³ при отпуске леса на продажу или вывоз. Для местных нужд лес отпускался бесплатно. Лесная охрана возлагалась на полицию [12 и др.].

В 1894 и 1897 гг. приняты законы об организации на Дальнем Востоке единого лесного управления. В 1898 г. введена «Инструкция о правах и обязанностях лесничих, лесной стражи и пр.». Анализ этих документов также содержится в работе Ю. И. Манько и А. Ф. Журавкова [32].

1898 и 1899 гг. — годы перелома в лесном хозяйстве Дальнего Востока. Число лесничеств увеличено до 9 в бывшей Приморской и 2 в бывшей Амурской областях. Лесоустроительной партией впервые проведен отвод лесосек на 30–40 тыс. га. В Хабаровске лесничим Москалевым заложен лесной питомник, посевная и школьная площадь которого составила 0,3 га [52].

¹ Амурский гос. обл. архив, ф. 15, оп. 2, д. 16, лл. 10, 11, 13.

В 1899 г. состоялся Хабаровский съезд лесничих и был издан ряд правил об отпуске леса, охране его от пожаров, о побочных пользованиях, пользовании лесом в крестьянских наделах и т. д.

Таким образом, в течение второго периода заселения лесное хозяйство Дальнего Востока прошло этап организации и становления от начала охраны большой лесной территории до создания единой централизованной в пределах региона системы с выработанными правилами по основным вопросам ведения лесного хозяйства того времени и со штатом лесной охраны, состоявшим из квалифицированных специалистов-лесоводов.

В империалистический период освоения лесов Дальнего Востока (1900–1917 гг.) поток переселенцев усилился и не прекращался даже в годы Первой мировой войны. К 1917 г. численность населения достигла 1,1 млн человек. Заселялись не только Зее-Буреинская и Приханкайская равнины, как это было в предыдущее время, но и предгорья хребтов и межгорные долины крупных притоков Амура и Усури (Зеи, Имана, Улахе, Даубихе и др.). Сельскохозяйственное освоение в большей мере, чем в предыдущие периоды, велось на раскорчеванных от леса площадях. Система земледелия оставалась залежно-переложной, и лишь перед началом Мировой войны наметился переход к менее экстенсивному беззалежному паровому земледелию. К 1917 г. сельскохозяйственное освоение охватывало около 1% площади Дальнего Востока, 4–5% — Амурской области, 5–6% — Приморского края, в Приханкайском лесоэкономическом районе эта доля поднималась до 17–18%, а в Свободненском — до 60%.

Переселенцы получали лес как на участках, подлежащих раскорчевке, так и для обеспечения строительства. Владение лесом было общинным даже в тех селах, где общины распались, но пользовались им на правах захвата¹. Первые 10–15 переселенческих семей успевали иногда продать весь общинный лес до появления остальных переселенцев. Лесом на своих наделах переселенцы распоряжались бесконтрольно [33; 52 и др.].

Продолжалось развитие промышленности, возникла крупная рыбная промышленность, охватившая почти все Тихоокеанское побережье, с 1909 г. началось строительство Амурской железной дороги. Появление крупных предприятий и развитие добычи угля усилили использование последнего. В 1913 г. минерализация топлива на Дальнем Востоке составила 31%. Она была различной по отраслям и районам — максимальная отмечалась в окрестностях Владивостока, минимальная — в Амурской области [4].

С 1907 г. начался устойчивый экспорт леса, но к 1916 г. он достиг лишь 54 тыс. м³, что составляло менее 1% лесного экспорта России. В это же время

¹ Гос. архив Амурской обл., ф. 10, оп. 1, д. 4, л. 38.

возник импорт леса и лесоматериалов из Маньчжурии, Японии и Америки, достигавший объема 1,6 млн м³ в год [11; 13; 23; 52].

Потребление заготовленной на Дальнем Востоке древесины составило к концу периода 7,9 млн м³ (см. табл. I). Увеличилась переработка древесины. Так, в Благовещенске число ремесленников, занятых деревообработкой, выросло за 1900–1911 гг. в 1,8 раза. К 1914 г. на Дальнем Востоке действовало от 30 до 70 лесопильных заводов с общим числом около 100 рам, более 40 бондарных, 1 фанерный, 2 спичечных, 13 дегтярных и 1 скипидарный завод. Мощность лесопильных заводов составляла 1,2 млн м³ распиливаемого сырья в год, но фактически распиливалось около 0,6 млн м³. Основной их продукцией были кедровые, еловые и сосновые брусья и доски. С 1912 г. на Южном Сахалине началось строительство бумажных комбинатов [17; 13; 7; 36 и др.].

Лесным промыслом занимались иногда целые селения. В 1911 г., например, доход крестьян Хабаровского уезда от продажи леса превысил 400 тыс. руб. и составил 59% доходов от всех видов промыслов. Крестьяне с Воронежского в этом уезде с 1857 г. почти не имели огородов, а жили исключительно за счет заготовки леса [38 и др.].

Повысилась относительная и абсолютная ценность древесины. На хабаровском рынке индекс цен в 1913 г. по сравнению с 1899 г. составил (%): на муку — 66, на мясо — 110, на деловую древесину — 128, на дрова — 147. В Благовещенске этот индекс по дровам составил 375%. Во Владивостоке тоже отмечено относительное подорожание дров.

Появились крупные по тому времени лесопромышленные предприятия, строившие узко- и ширококолейные дороги длиной до 30 км и более, имевшие собственный подвижной состав, необходимое оборудование и квалифицированных служащих. Годовая товарная продукция каждой такой фирмы составляла 120–160 тыс. руб. В 1913 г. в бывшей Приморской области было 16 предприятий с числом рабочих более 300 на каждом. На них приходилось больше половины всей заготавливаемой древесины. В среднем на таком предприятии работало 625 рабочих. Кроме того, существовало еще около 20 предприятий с числом рабочих от 100 до 300. Кроме крупных предприятий, действовало около 200 мелких [28; 52 и др.].

Лесозаготовки размещались как можно ближе к основным лесным рынкам: Владивостоку, Хабаровску, Благовещенску, к железной дороге и сплавным путям. В 1913 г. в бывшей Приморской области 52% всех лесозаготовок находилось на крестьянских наделах, 22% на казачьих землях и лишь 26% в казенных лесах.

Расстояние вывозки в южной части Приморья увеличилось до 7–30 км, в бассейне Усури оно не превышало еще 2–4 км. Во второй половине периода

началась заготовка леса по Тунгуске. В Амурской области основные лесозаготовки были сосредоточены в Свободненском и Архаро-Буреинском лесо-экономических районах. С 1909 г. началась систематическая промышленная заготовка леса на Камчатке [7; 52; 56 и др.].

Преобладали по-прежнему подневольно-выборочные рубки. Сплошные рубки в 1911 г. были проведены в Амурской области на 14% площади лесосек, в Приморском крае — на 8%, в северной части о. Сахалин их не было вообще, а в южной преобладали условно-сплошные [54]. В зоне кедрово-широколиственных лесов около 80% заготавливаемой деловой древесины приходилось на кедровую и лишь 1% — на лиственную. На экспорт через Владивосток, кроме кедра, заготавливали осину и дуб. Дровозаготовки часто превращались в выборочные рубки твердолиственных пород. Только у 50% деревьев, срубленных в Никольском лесничестве, у 30% в Хабаровском, Сучанском и у 20% — в Черниговском было взято второе бревно. В остальных случаях брали только первое комлевое бревно, остальную часть ствола бросали на лесосеке. Дрова часто заготавливали из строевого леса [28; 52 и др.].

Усиление рубок вело к истреблению лесов вблизи населенных пунктов и в целых сельскохозяйственных районах. Наиболее быстро уничтожался лес на крестьянских дачах. К середине периода крестьянские леса в Амурской области были почти сведены. Продажа переселенческого леса шла по очень низкой цене, иногда до 1 руб. за десятину. Казачья администрация вела опустошительные рубки по рекам Иману, Кие, Хору. Отмечалось, что юго-западной части Зее-Буреинской равнины грозит лесной голод. На Сахалине тюремное ведомство вырубил большую часть лесов в районе Александров — Дуэ [17; 33; 40; 52].

Все больший урон наносили пожары, которые почти не регистрировались. Известны большие пожары в 1912 г. по Амуру между Радде и Екатерино-Никольской станицей, в 1908 г. — в районе п. Возвращенье (Сахалин). В 1917 г., по подсчетам А. А. Строгого [48], в бывшей Амурской области сгорело 10 млн м³ лесов.

Лесоистребление охватывало в основном леса осваиваемых районов. Большинство лесов оставалось не затронуто освоением, их состояние было неизвестно, хотя на значительной части официально осуществлялась хозяйственная деятельность.

Характеристика лесного хозяйства бывшей Приморской области в этот период (Приморский край и юг Хабаровского края) дана Ю. И. Манько и А. Ф. Журавковым [32]. В данной статье она дополняется сведениями, касающимися других частей Дальнего Востока.

К этому времени дальневосточные леса четко разделились на ряд категорий. Основными были леса крестьянских и казачьих наделов, леса казачьих

дач и казенные леса. Городские, монастырские и прочие леса не играли заметной роли.

Порядок пользования в крестьянских лесах определялся приговорами обществ, часто не имевшими силы¹. Здесь был установлен 60-летний оборот рубки, но отвод лесосек не делался и оборот не соблюдался. Закон 1913 г. о лесопользовании в крестьянских лесах в Приамурском генерал-губернаторстве остался невыполненным. Однако некоторые общины применяли полный или частичный «заказ» на рубку в своих лесах, чтобы дать выправиться истощенным древостоям [40; 52 и др.].

В 1905 г. в Уссурийском, а в 1908 г. в Амурском казачьих войсках были организованы 10 лесничеств с 63 объездчиками и лесниками, подчинявшиеся войсковым лесничим. Но и к 1912 г. в казачьих лесах все еще лесные дачи оставались неразмежеванными, площадь их была неизвестна, а возложение в отдельных случаях обязанностей лесничих на офицеров, занятых прямой службой, оказалось нецелесообразным².

Наибольшее развитие лесохозяйственная деятельность получила в казенных лесах. К 1908 г. здесь было уже 12 лесничеств со 109 объездчиками и 104 лесниками, а к 1913 г. — 28 лесничеств, в том числе одно на Сахалине. В конце периода был назначен лесничий на Камчатку. Леса Магаданской области и севера Хабаровского края оставались вне лесохозяйственного контроля. Средняя площадь лесничества оставалась равной 1,9 млн га, а на одного лесного стражника приходилось 133 тыс. га леса.

В 1900 г. начаты попытки изучения лесного фонда: так называемым «речным методом» исследован Супутинско-Майхинский район со взятием 270 пробных площадей. В 1901–1902 гг. были обследованы бассейн р. Майхе, Майхинский и Тигровый районы Владивостокского лесничества. Эти данные не были использованы. В 1907 г. осуществлено первое рекогносцировочное обследование лесов Камчатки.

В 1908 г. съезд лесных чинов разработал местную инструкцию по устройству лесов. Но начатое в 1909 г. систематическое лесоустройство пользовалось общей инструкцией. Всего к концу периода приведены в известность 14,4 млн га, из них 6,2 млн га устроены. Подробность устройства невелика — в среднем IV, 8 разряд [7; 52 и др.].

Основным методом регулирования освоения лесов был контроль рубок главного пользования. Отпуск леса из казенных лесов к концу периода составил 2,9 млн га, т. е. 37% всех заготовок края. В неустроенных дачах принимался 60-летний оборот рубок, а для некоторых составлены 5-летние сметы

¹ Гос. архив Амурской обл., ф. 10, оп. 1, д. 4, лл. 35–39.

² Гос. архив Амурской обл., ф. 10, оп. 1, д. 4, лл. 15–18, ед. хр. 28, лл. 6–9.

на отпуск леса. Срок лесозаготовок не более 4 лет, но в связи с организацией крупных предприятий был увеличен до 10 лет и более. Такая долгосрочная аренда лесных дач стала новым делом для всей России, поэтому были разработаны специальные правила и составлены типовые «Условия для продажи леса», предусматривавшие срок заготовки, учет и оплату, а также перечень материалов, вырабатываемых у пня. На рубку бархата, ореха и акатника по-прежнему сохранялись ограничения [52].

Основным лесоводственным требованием к лесозаготовкам считалась очистка лесосек. П. И. Делле [52] отмечал, что освоение лесов являлось по существу сводкой леса, и лес восстанавливался только там, где была сделана очистка. С 1907 г. стал взиматься залог под очистку, равный 5% корневой цены древесины, но не более 5 руб. за десятину леса. «Условия для продажи» предусматривали при сплошной рубке обязательный сбор вершин, крупных сучьев и щепы в кучи, уборку мелких сучьев с полос и участков вдоль дорог, а при выборочных рубках — приземление вершин. Применялось также понижение цены мертвого леса на 50%, что повышало спрос на валеж. Но ни одна из мер не давала желаемых результатов: лесопромышленники предпочитали жертвовать залогом, величина которого была намного меньше затрат на очистку, а лесничества из-за малой величины залога не могли провести очистку. Впервые очистка была сделана в 1913 г. на 650 га с расходом лишь 5% всей суммы залогов. В 1914 г. истрачено 15% залогов, очищены 4,4 тыс. га [28; 52 и др.].

Не менее бессильны были работники лесничеств при борьбе с ежегодными лесными пожарами, несмотря на действие различных инструкций и даже строгих и подробных приказов генерал-губернатора по организации тушения. Силы лесной стражи были малочисленны, совершенно не оснащены инструментом, а крестьяне уклонялись от привлечения к тушению, особенно в период весенних полевых работ, на который приходится большинство пожаров в Приморье и Приамурье [52].

Лесоводы пришли к заключению, что естественное возобновление при отсутствии пожаров происходило удовлетворительно. Как один из методов содействия возобновлению, «Условия для продажи» предусматривали, что дуб, ясень, ильм, липу и орех надо не пилить, а рубить, оставляя пень не более 20 см.

За нарушение взимался относительно большой штраф — 10 коп. с пня [52].

К 1908 г. было заложено шесть питомников с производящей площадью около 1 га. К 1909 г. оставлено только два питомника — возле Хабаровска и Уссурийска. Расход на питомники составлял всего 0,1% лесного дохода.

Больше никаких лесохозяйственных работ лесничества не вели, если не

считать постройки 10 км лесохозяйственных дорог [26]. В этом периоде были открыты низшие лесные школы в Никольском и Хехцирском лесничествах.

Большое внимание уделялось извлечению максимально возможного лесного дохода. К концу периода существовало шесть разрядов такс, которые в какой-то мере отражали интенсивность лесопользования. Каждая дача целиком относилась к какому-то разряду. В целом разряды убывали по территории с юга на север. Таксы были выше такс 1893 г. по деловой древесине на 19% в бывшей Приморской области и на 86% в бывшей Амурской области, по дровам соответственно на 166 и 300%.

Администрация Дальнего Востока пыталась доходами от неограниченной эксплуатации лесных богатств региона покрыть те убытки в 400 млн руб., которые понес царизм при заселении далекой окраины [52]. Но из-за неразвитости экономики и неправильной, противоречивой политики эта задача оказалась невыполнимой. В 1913 г. доход с десятины леса на Дальнем Востоке составлял 2 коп. и был ниже, чем в лесах Западной Сибири, в 2 раза; Севера Европейской России — в 6,5 раза; западных районов страны — в 422 раза; центра — в 498 раз [11].

Многие неудачи лесного хозяйства этого периода были связаны с бюрократизмом лесохозяйственного аппарата, высокой степенью регламентации его работы различными шаблонными, оторванными от жизни инструкциями и правилами, загруженностью лесничих самыми разными работами, вплоть до заведования водными промыслами, отсутствием необходимых квалифицированных кадров, особенно низшего звена.

В целом период характеризовался хищническим использованием лесных богатств и некоторым развитием лесного хозяйства, основным достижением которого было приведение в известность наиболее доступных лесов, но темп развития сильно отставал от освоения лесов.

Четвертый период капиталистического освоения лесов (1918–1922 гг.) приходится на годы Гражданской войны и иностранной интервенции. В этот период несколько увеличилось сельское и сократилось городское население Дальнего Востока. К 1922 г. общая численность населения составила 1,2 млн человек. поголовье скота и посевные площади сократились, снизился объем промышленного производства. Отпуск леса из казенных лесов составил в 1921 г. 2,3 млн м³, а объем работы лесной промышленности в 1922 г. менее 1/3 объема 1913 г. [55]. В лесной промышленности Приморья хозяйничали японские интервенты, скупавшие лес у населения. Японские интервенты вели рубки еще более хищнически, чем русские лесопромышленники [23, 53 и др.].

Общее потребление древесины, заготовленной на Дальнем Востоке, составило к концу периода 9,9 млн м³ (см. табл. 1), в том числе населением — 5,5, фабриками — 1,2, железный дорогой — 0,6, пароходами и шахтами по

0,2, рыбной и золотодобывающей промышленностью по 0,1 млн м³ в год. Рост лесозаготовок произошел в основном в районах, оккупированных японцами, в остальных районах шло свертывание лесозаготовок.

Ежегодно в лесах свирепствовали сильные пожары, усилившиеся в связи с военными действиями и хищничеством интервентов.

В эти трудные годы Дальневосточный краевой комитет Советов в феврале и марте 1918 г. издал постановления об охране лесов и правильной постановке лесного дела. 5 января 1918 г. состоялся Приморский областной съезд лесоводов и был назначен на 10 мая лесной съезд Дальнего Востока, сорванный начавшейся интервенцией. Правительство Дальневосточной республики приняло декларацию о лесах, а также четыре закона, направленных на упорядочение лесопользования и охрану лесов. Но фактически лесное хозяйство в эти годы не велось. Количество лесничеств сокращалось в среднем на 4, а лесной стражи — на 12% в год. Лесное хозяйство из доходного стало дефицитным.

В целом по всему Дальнему Востоку к моменту окончательного установления советской власти лесное хозяйство практически не существовало, а леса находились в запущенном состоянии, многие массивы были истощены и даже полностью истреблены.

Освоение лесных ресурсов и использование их продуктивности в период социалистического строительства. После окончательного установления советской власти на Дальнем Востоке началось плановое развитие экономики и связанное с ним освоение лесов. Здесь также выделяются четыре периода.

В первый период (1923–1928 гг.) борьбы социалистического и капиталистического укладов в экономике (нэп) и восстановления разрушенного хозяйства переселение на Дальний Восток еще носило преимущественно сельскохозяйственный характер, а основная масса переселенцев распределялась по территории региона примерно так же, как и в предреволюционный период. К 1928 г. население Дальнего Востока составило 1,8 млн человек. Вновь усилилось сельскохозяйственное воздействие, но оно охватило к концу периода только 1,3% площади региона. На Дальнем Востоке в это время сохранялись в основном системы земледелия и характер землепользования предыдущих двух периодов с тем отличием, что были ликвидированы казачьи привилегии.

Промышленность региона быстро увеличивала объемы производства. В частности, рыбная промышленность выросла в 1,5 раза по сравнению с дореволюционным периодом, угольная — в 3 раза, промышленная добыча нефти на Сахалине составила в 1928 г. 107 тыс. т¹.

¹ Гос. архив Сахалинской обл., ф. 54, оп. 1, д. 61, л. 7.

Продолжалось относительное подорожание дров и лесоматериалов. В 1924–1925 гг. наступил перелом в соотношении цен на древесное и минеральное топливо, уголь стал (в переводе на условное топливо) дешевле дров. Усилилась минерализация топливного баланса, которая к 1926 г. достигла 36% [4]. Рост промышленного потребления древесины стал отставать от роста промышленности.

В большой степени пострадала в предыдущем периоде лесопильная промышленность: в 1923 г. в бывшей Приморской области работало только 8 лесозаводов с 25 рамами. К концу периода на Дальнем Востоке работал 21 завод с 44 рамами [13], подавляющую часть продукции выпускали государственные предприятия, но в деревообрабатывающей отрасли было много мелких и кустарных заведений; только в Амурской области в 1926 г. их было около 130 [31]. Советское правительство аннулировало все договоры, заключенные на эксплуатацию лесов белогвардейским правительством. Созданием государственного лесозаготовительного треста была заложена основа социалистической лесной промышленности, но лишь в 1926 г. она дала больше товарной продукции, чем частная (60% всей продукции). Государственная лесная промышленность в этот период отличалась от частной лишь формой владения и присвоения доходов. Качественные различия в организации производства были незначительны. Большинство древесины заготавливалось подрядно различными артелями, кресткомками, потребительскими обществами и т. д.¹

В эти годы доход сельского населения от лесозаготовок составлял в среднем за год 14 млн руб., в то время как общая ценность хлебаготовок по Дальнему Востоку была около 17 млн руб. [8; 20].

Государственные промышленные заготовки распространялись по территории: в 1925 г. они организованы на Камчатке (АКО), в 1926 г. на Сахалине (Сахалинлес). Всего в 1928 г. государственная лесная промышленность заготовила 3,1 млн м³, в том числе Дальлес — 2,2. В 1926 г. Дальлес начал применять круглогодовые лесозаготовки. Организация в 1926–1928 гг. леспромхозов, строительство Оборской железнодорожной ветки и ряда рационализированных лесовозных дорог заложили основу для коренного социалистического преобразования лесной промышленности, ее механизации. Новые леспромхозы вели заготовки преимущественно с использованием старых подрядных форм. Эти же формы были основными и у частных лесозаготовителей, заготавливавших лес на концессионных условиях².

Относительно быстрое развитие лесной промышленности было связано с лесным экспортом, который практически не прерывался ни на один год.

¹ Гос. архив Хабаровского края, ф. 730, оп. 6, д. 26, л. 9; ф. 1350, оп. 1, д. 1, л. 23.

² Гос. архив Хабаровского края, ф. 353, оп. 1, д. 67, л. 14; ф. 937, оп. 1, д. 7, лл. 10–12.

По нашим расчетам, расход древесины составил в 1928 г. 16,5 млн м³ (табл. 2), в том числе население расходовало 9,2 млн м³.

Таблица 2

Заготовки древесины на Дальнем Востоке в 1928–1948 гг., млн м³

Край, область	1928 — весь расход	Годы		
		1940		1948 — плани-руемый круг
		всего	в том числе планируемый круг	
Приморский	4,8	5,7	3,1	3,2
Сахалинская	4,8	7,2	0,4	2,0
Хабаровский	2,6	9,6	8,0	5,0
Амурская	4,0	5,3	2,3	1,1
Камчатская	0,2	1,0	0,5	1,0
Магаданская	0,1	3,0	2,7	1,6
Дальний Восток	16,5	31,8	17,0	13,9

Резко возросшее потребление древесины и усилившееся освоение лесов вызвали ускорение обезлесения. Внимание лесоводов привлекали рубки древесины на экспорт, при которых ухудшилось использование лесосечного фонда: выбирали лучшие деревья, из которых вырезалось не более 40% древесины. Быстрыми темпами истреблялась вдоль дорог высококачественная осина [18, 23]. Видимо, вредоносность рубок на экспорт несколько преувеличивалась, так как, по данным обследования автора в Оборском лесхозе Хабаровского края и Чугуевском лесхозе Приморского края, через 35–40 лет места таких рубок представляли собой устойчивые насаждения, имеющие характер почти девственного леса, что объясняется малой интенсивностью выборки древесины при экспортных рубках и проведением их преимущественно в зимнее время.

Всего рубками было охвачено в 1927 г. 370, а в 1928 г. 415 тыс. га¹, т. е. при заготовке в 8 раз меньшего количества древесины, чем сейчас, площадь лесосек была в 1,5 раза больше современной. Усиливалась горимость лесов.

В ходе революционных преобразований все леса были национализированы. В 1923 г. в лесном фонде Дальнего Востока числилось 58,4, а к 1928 г. — 101,6 млн га, в том числе в Приморье и на Камчатке по 10, на Сахалине — 4, в Хабаровском крае — 44, в Амурской области — 33 млн га. В Магаданской области лесной фонд не выделялся и лесного хозяйства не было. Все леса делились (млн га) на государственные (100,3), приписные различных ведомств (0,3) и леса

¹ Гос. архив Хабаровского края, ф. 537, оп. 1, д. 50, л. 75.

местного значения (1,0). Площадь, охватывавшаяся учетом и контролем, составляла лишь 40% действительно имевшегося лесного фонда. С 1923 по 1928 г. число работающих в лесном хозяйстве увеличилось с 520 до 800 человек, а лесничеств — с 31 до 43. Существовало более 500 объездов. Но рост аппарата отставал от расширения охраняемой площади: средняя площадь лесничества возросла с 1,9 до 2,2 млн га, а средняя площадь объезда — со 171 до 208 тыс. га¹.

Основной функцией лесной охраны по-прежнему оставался отпуск леса. Расчетная лесосека в 1927 г. составляла (млн м³) 29,3, а отпуск леса² в 1924 г. — 1,9, в 1925 г. — 1,6 и в 1928 г. — 3,0. Отпуск леса рос теми же темпами, что и лесохозяйственный аппарат; но к концу периода он был меньше официально зарегистрированного объема лесозаготовок, хотя разрыв по сравнению с предыдущими периодами уменьшился и составлял лишь 5%. До 1925 г. госучреждения рубили лес бесплатно, а с 1925 г. весь отпуск леса стал платным. Величина очистного залога колебалась в пределах 5–10%.

Основой деятельности лесного хозяйства стал Лесной кодекс РСФСР. Были введены также местные правила тушения пожаров и преследования самовольных рубок.

Считалось, что все деловые деревья толще диаметра на высоте груди 27 см на побережье севернее Тернея и 31 см на остальной территории должны вырубаться. Хлысты должны были разделяться минимум до диаметра в верхнем отрубе бревна: для деловой осины — 18 см, для остальных деловых стволов — 22 см, для дровяных — 9 см. Таким образом, несколько более жестко ставились вопросы использования лесосечного фонда. На практике существенных улучшений в этот период не было. По-прежнему действовавшие правила, инструкции и приказы не предусматривали при рубках лесоводственных мероприятий.

С 1923 г. лесохозяйственные работы стали проводиться по годовым оперативным планам. Объемы выполняемых работ были невелики: наиболее емкой работой был отвод лесосек. Второй по объему была очистка лесосек, проведенная в 1927 г. на 6 тыс. га (2% лесосек), а в 1928 г. на 40 тыс. га (10%). Отмечалось, что залог был недостаточным для проведения очистки. В 1924 г. был восстановлен Хабаровский питомник и работал Благовещенский питомник. В 1928 г. в Приморском крае были посажены лесные культуры на площади 0,05 га, построено 3 км и отремонтировано 36 км дорог, прорублено 454 км просек в Приморском крае и на юге Хабаровского края³.

¹ Гос. архив Хабаровского края, ф. 537, оп. 1, д. 50, л. 70, Гос. архив Приморского края, ф. 117, оп. 1, д. 8, л. 3; оп. 3, д. 42, л. 7.

² Гос. архив Приморского края, ф. 117, оп. 3, д. 42, л. 8.

³ Гос. архив Хабаровского края, ф. 537, оп. 1, л. 75, Гос. архив Приморского края, ф. 117, оп. 3, д. 42, л. 18.

Уссурийской железной дорогой в 1927 г. заложен питомник в г. Хабаровске и начата посадка лесных изгородей вдоль участка Благовещенск — Завитая.

Возобновились прерванные войной работы по изучению лесного фонда, охватывавшие в среднем за год 1,9 млн га, в том числе на 0,5 млн га проводилось лесоустройство. Однако в этот период преследовалась единственная цель — обоснование организации лесозаготовок. Устройство выполнялось очень неточными методами — в среднем по IV, 9 разряду.

В 1925 г. введены таксы применительно к таксам 1914 г., а в 1928 г. они были увеличены примерно на 60% и составили 96 коп. за обезличенный кубометр. Средняя продажная с торгов цена составила 85 коп. за обезличенный кубометр¹.

Важным этапом явилась организация при Дальневосточном университете высшего лесного образования. Там сгруппировались основные лесные кадры того времени, заложившие основы дальневосточной лесоводственной школы, — Б. А. Ивашкевич, А. А. Строгий, В. Ф. Овсянников и др. В эти годы начали учебу те лесоводы, которые впоследствии много сделали для дальневосточных лесов и для всей лесной науки и практики страны (Б. П. Колесников, Н. Е. Кабанов, А. А. Цымек, К. П. Соловьев и др.). Но на первых порах организация высшего, а также среднего (Перский техникум) лесного образования не решала проблему кадров.

Таким образом, в период 1923—1928 гг. усилилось использование лесов, шло восстановление и количественный рост лесного хозяйства, были заложены основы для его дальнейшего расширения, но больших качественных изменений достигнуто не было.

Второй послереволюционный период (1929—1940 гг.) совпадает с годами предвоенных пятилеток. В это время большое значение придавалось промышленному развитию региона, что в значительной степени изменило темпы и методы освоения территории вообще и лесных пространств в частности. К 1938 г. валовая продукция промышленности увеличилась в 7, добыча угля и нефти — в 47, добыча рыбы — в 15 раз и т. д. Экономика региона из аграрно-индустриальной превратилась в индустриально-аграрную. Промышленное освоение сдвигалось на север: в Нижнее Приамурье, на Камчатку, Колыму. Строились новые шахты, осваивались нефтяные месторождения, была проведена вторая колея Транссибирской магистрали, построена железная дорога Волочаевка — Комсомольск, возникали новые заводы, поселки, города (Комсомольск, Советская Гавань, Биробиджан, Магадан, Оха и др.).

Быстро развивалось сельское хозяйство, основной чертой которого в это

¹ Гос. архив Приморского края, ф. 117, оп. 3, д. 42, л. 20.

время было создание новых совхозов, для них распахивалась целина и расчищались лесные земли. Но в целом система земледелия стала более интенсивной, почти полностью исчезли элементы захвата, подсечного ведения хозяйства и т. д. В результате в течение периода сельскохозяйственное воздействие почти не увеличивалось по площади.

Общая численность населения составила в 1940 г. 2,7 млн человек. Началось планомерное заселение северных районов: с 1931 г. — Сахалина и Камчатки, с 1929 г. — окрестностей Магадана, с 1931 г. — бассейна Колымы. Темпы роста новых поселков и городов были намного выше, чем в предыдущих периодах.

Несмотря на прекращение экспорта и почти полную минерализацию топливного баланса промышленности и транспорта, потребность в деловой древесине (без сельского хозяйства) увеличилась с 1922 по 1937 г. в 10, а в дровяной — в 5 раз. Потребление древесины для капитального строительства увеличилось за 1928–1938 гг. в 8 раз [55]. Даже в крупных городах древесина оставалась одним из главнейших строительных материалов. Она была почти единственным материалом в начале строительства таких городов, как Комсомольск, Магадан и др.

Такая потребность вызвала рост деревообрабатывающей промышленности. В этом периоде вошли в строй новые лесопильные заводы как в традиционных лесопильных районах на юге Дальнего Востока, так и на севере, чтобы обеспечить новое строительство местными материалами. На Дальнем Востоке в 1932 г. было 90 лесопильных рам, в 1935 г. — 170, а в 1937 г. — 250 [36]. В 1932–1940 гг. выпуск пиломатериалов вырос в 4 раза.

Лесозаготовки по планируемому кругу увеличились за этот период в 5 раз (см. табл. 2), но с 1930 г. стали усиленно развиваться самозаготовки. К 1937 г. существовало более 50 леспромхозов (в том числе 30 системы Наркомлеса) и 20 мехлесопунктов. К концу периода было сосредоточено лесозаготовок (%): 54 — на юге Хабаровского края и в Иmano-Бикинском лесоэкономическом районе, 15 — в Амурской области и на Сахалине, 6 — на побережье Японского моря, 2–3 — в низовьях Амура.

Проводилась техническая реконструкция дальневосточной лесной промышленности. Она охватила в первую очередь вывозку леса, которую почти всюду стали проводить по железным и автомобильным дорогам с помощью автомашин, тракторов, паровозов. На базе дорог создавались леспромхозы нового типа: Оборский с объемом заготовок более 1 млн м³/год, Вяземский — более 0,5 млн м³/год и др. Способы работы на лесосеках изменялись медленнее, так как валка и разделка стволов оставались ручными, подвозка древесины — конной, но во второй пятилетке начала внедряться тракторная трелевка.

Места рубок были сосредоточены в 2–2,5-километровой полосе вдоль сплавных рек, разбросаны, их ежегодно меняли и продвигали вглубь не от рек, а вдоль рек. Во второй пятилетке началась концентрация рубок, особенно характерная для прижелезнодорожных леспромхозов. Летние заготовки составляли не более 15% годового объема, хлысты раскряжевывались у пня.

Преобладали подневольно-выборочные рубки. В 1935–1936 гг. в Вяземском и Ворошиловском леспромхозах Хабаровского края впервые на Дальнем Востоке были введены концентрированные сплошные рубки, носившие фактически в большинстве случаев характер условно-сплошных, так как сохранялся запрет на рубку ряда пород. Только в отдельных местах рубки приобретали характер сплошных. В 1935 г. в Вяземском леспромхозе они охватили 13% лесосек¹.

Использование лесосечного фонда было нерациональным. Так, в Хорском бассейне в 1936 г. выбирали в среднем 32 м³/га (при среднем корневом запасе около 300 м³/га). В Амуро-Зейском районе при тяготении массивов к Амуру выбирали 15–20, а к железной дороге — 18–23 м³/га. Запас деловой древесины использовали здесь на 60–76, а ликвидной — на 30–33%. Вырубали в основном сосну, лиственничная древесина составляла только 10–15% лесозаготовок. В Тернейском районе оставались на корню все стволы тоньше 25 см на высоте груди, а также все полуфаутные и фаутные стволы. В камчатских лесах оставалось от 20 до 66% ликвидной древесины [7; 19 и др.].

Во второй половине периода благодаря строительству мехлесопунктов и леспромхозов использование лесосечного фонда стало интенсивнее. Так, в бассейне р. Улахе в начале 30-х гг. кроме кедра начали заготавливать также ель, а с 1934 г. — пихту. Минимальный диаметр вырубаемых стволов снизился здесь с 30–34 см в 1934 г. до 20–25 см в 1939 г. Но использование лесосечного фонда улучшилось не намного. На юге Хабаровского края в сплавных леспромхозах в среднем вырубалось 38 м³/га, или 27% ликвида, в прижелезнодорожных — 100 м³/га (67%). Деловую древесину вырубали соответственно на 32 и 90%. На юге Приморья деловую древесину вырубали на 57–66%. В Магаданской области 15–20% лучшей части хлыста оставляли в виде пня. На лесосеках Северного Сахалина в среднем оставалось 42 м³/га деловой древесины, что составляло около 40% деловой древесины. Через 5 лет после рубки большинство оставшихся деревьев усыхало.

Во второй половине периода лесозаготовки распространились в глубь тайги вдоль дорог, часто на десятки километров от старых поселений и сплав-

¹ Гос. архив Хабаровского края, ф. 1350, оп. 1, д. 148, л. 12; ф. 1353, оп. 1, д. 35, л. 56.

ных рек. Лесная промышленность, перейдя к строительству более или менее постоянных поселков и дорог, стала важным фактором освоения лесных пространств.

Благодаря организация статучета заготовки в этом периоде могут быть определены точнее, чем для предыдущих лет. Потребление древесины на Дальнем Востоке в 1940 г. составило 31,8 млн м³. Лесозаготовки сместились на юг Хабаровского края, в Комсомольский, Хабаровский и Биробиджанский лесоэкономические районы, а также в Колымский лесоэкономический район Магаданской области.

Будучи подневольно-выборочными, рубки не вели к значительной сводке леса, а лишь изменяли породный состав и санитарное состояние лесов. Но почти полное отсутствие очистки лесосек создавало высокую пожарную опасность. Во многих случаях лесосеки становились местом больших лесных пожаров. К этому присоединялись пожары, возникавшие от сельскохозяйственных палов, пускавшихся охотниками-промысловиками. Большие гари отмечались в глухих бассейнах Буреи, Амгуни, Уды [45, 46]. В осваивавшихся участках положение было еще хуже.

К сводке леса вели также рубки, особенно в напряженных лесорастительных условиях горных склонов или северных пределов лесной растительности. За три года работы Дальстроя только в радиусе 13 км вокруг Магадана было вырублено без надежды на возобновление 6 тыс. га леса¹. С 1926 по 1935 г. на Южном Сахалине японскими рубками был сведен лес на 609 тыс. га, а в последующие годы еще более чем на 300 тыс. га [25].

В начале 30-х гг. из-за передачи гослесфонда основным лесозаготовителям была ликвидирована единая система лесного хозяйства. В 1933 г. лесной фонд находился в руках шести основных организаций: Наркомлеса (80% лесного фонда), АКО (12%), Транслеса (6%) и др. В дальнейшем появилось еще два крупных лесфондодержателя. В непромышленных лесах Наркомлеса было организовано десять лесхозов. Два лесхоза и несколько заповедников находились в ведении научных учреждений. В лесах местного значения работали райлесхозы.

Лесной фонд, истощенный рубками, передавался из ведения Наркомлеса в леса местного значения, а из этих лесов леспромхозам передавали участки, удобные для эксплуатации. Штат райлесхозов был небольшим.

Ликвидация взимания попенной платы с основных лесозаготовителей (1930 г.) уничтожила последние экономические рычаги по регулированию рубок. Оставались только административные меры. В 1930 г. предлагалось перейти к правильным выборочным и сплошным рубкам во Владивостокс-

¹ Гос. архив Магаданской обл., ф. Р-50, оп. 2, д. 15а, лл. 49–52, д. 25, лл. 18–20.

ком, Оборском и других железнодорожных районах. В 1936 г. приняты правила отпуска леса, предусматривавшие рубку только при наличии билетов, в которых указаны сроки, способы и отпускной диаметр. Если позволял ОСТ, то требовалось использование всей части ствола до диаметра 16 см в верхнем отрубе. Обязательным было рациональное использование заготовленной древесины, рубка лиственницы на дрова ограничивалась. Разрешалось оставлять на корню дровяные стволы. Оговаривались сроки и приемы съема коры бархата, накладывался запрет на рубку бархата, липы и желтой березы вокруг пасек и поселков. Очистка лесосек была обязательной, размеры пней ограничивались 1/3 диаметра на высоте груди. Были разработаны первые предложения и для районов Магадана — Колымы¹.

Однако некоторые правила на практике нарушались. Очистку лесосек почти не проводили. Прочие лесохозяйственные работы велись в небольших объемах. Так, в 1940 г. санитарные рубки проведены в лесах Хабаровсклеса на 707 га, а Дальтранслеса — на 450 га. Рубки ухода проводили в небольших объемах в лесах Приморья и Сахалина. С 1934 г. началось авиапатрулирование лесов промышленного назначения. В отдельные годы собирали семена. Например, в 1934 г. трестом «Приморсклес» было собрано 337 кг семян ореха маньчжурского, березы железной, яблони, груши, гриба, лимонника и бархата². Хабаровский питомник отпускал до 200 тыс. саженцев в год. В 1929 г. были заложены три лесомелиоративных питомника в Амурской области, отпустившие за 1930—1932 гг. 1,7 млн сеянцев. В Александровском райлесхозе (Сахалинская область) к концу периода существовал питомник площадью 0,5 га. Лесные культуры высаживали небольшими участками в Приморье, возле Александровска-Сахалинского и т. д. В Свободненском лесоэкономическом районе в 1929—1934 гг. посажено 18 га лесных культур и 3 га лесных полос. Всего к 1935 г. на Дальнем Востоке было 50 га лесных культур. На Южном Сахалине за 1930—1939 гг. было посажено 31 тыс. га лесных культур и почти столько же посеяно, существовало около 40 питомников, рубки ухода проводили на 12—13 тыс. га ежегодно. Однако сохранение подроста при рубках, очистка лесосек и содействие естественному возобновлению после рубок не проводили [25; 50 и др.].

Достижением лесного хозяйства Дальнего Востока в этот период было интенсивное изучение лесного фонда, охватывавшее в среднем в год 6,5 млн га. Такие объемы стали выполнимы благодаря внедрению аэрообследования лесов, охватившего все Приамурье и Северный Сахалин. Более детальное лесоустройство проводилось в среднем в год на 0,7 млн га и носило в значи-

¹ Гос. архив Магаданской обл., ф. Р-50, оп. 2, д. 8, лл. 170—171.

² Гос. архив Сахалинской обл., ф. 3, оп. 6, д. 123, л. 29; Гос. архив Хабаровского края, ф. 719, оп. 10, д. 204, л. 56; ф. 1353, оп. 1, д. 25, л. 11.

тельной степени характер служебного для обеспечения лесопромышленной деятельности.

Важным моментом было то, что в эти годы в научных учреждениях, лесоустроительных организациях и лесхозах подготавливались кадры, образовавшие в послевоенный период костяк единой лесохозяйственной системы. Многие из лесоводов, начавшие деятельность в этот период, стали в дальнейшем видными деятелями дальневосточной лесной науки и производства (И. Т. Гавренков, Д. П. Галицкий, Н. В. Ефимов, Л. В. Любарский, В. Н. Мичков, Г. Ф. Стариков, Г. А. Трегубов, Н. В. Усенко и др.).

Освоение лесов в период Великой Отечественной войны и восстановления хозяйства (1941–1947 гг.) происходило при некотором росте населения, расширении отраслей экономики, имевших стратегическое значение, и спаде остальных производств, в частности деревообрабатывающих и лесозаготовительных. Лесозаготовки Дальнего Востока составили в 1945 г. 9,7 млн м³, т. е. 57% уровня заготовок советского Дальнего Востока в 1940 г. Даже в начале следующего периода (1948 г.) не был достигнут уровень 1940 г. (табл. 2). В этом периоде снизилась активность освоения новых тяжелых районов, хотя проводилось строительство (железные дороги Пивань — Советская Гавань, Известковая — Ургал и т. п.).

Все лесохозяйственные работы были свернуты из-за сокращения финансирования и ухода в армию большинства работников лесохозяйственного аппарата. В послевоенные годы лесохозяйственные работы начали восстанавливаться. Например, в Вяземском леспромхозе в 1945 г. было затрачено 0,7, а в 1946 г. 0,1 тыс. руб. на лесовосстановительные работы. К концу 1947 г. в этом леспромхозе было два питомника общей площадью 1,4 га¹. Но процесс послевоенной организации лесного хозяйства не характерен для этого периода. Он был осуществлен в четвертом периоде (с 1948 г.) при создании единой общесоюзной лесохозяйственной системы, развитие которой на Дальнем Востоке не рассматривается в настоящей статье.

В целом период 1941–1947 гг. характеризуется некоторым снижением воздействия населения на лес и почти полным прекращением лесохозяйственных работ.

Таким образом, за столетний отрезок времени заселения Дальнего Востока освоение лесов и их использование происходили все ускоряющимися темпами, методами и способами, не приводившими к повышению продуктивности. Продуктивность осваивавшихся участков использовалась не полностью. В это же время проходило становление системы лесного хозяйства.

¹ Гос. архив Хабаровского края, ф. 1350, оп. 1, д. 292, л. 101; д. 372, л. 8; д. 403, л. 12; д. 435, лл. 1, 4; ф. 1741, оп. 1, д. 6, л. 107.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августинович Ф.* Жизнь русских и инородцев на острове Сахалине // Всемирный путешественник. 1874, февраль. С. 48–84.
2. *Алябьев.* Далекая Россия. Усурийский край. СПб., 1872. 115 с.
3. *Афанасьев Д.* Николаевск-на-Амуре // Морской сборник. 1864. Т. 75. № 12. С. 91–147.
4. *А. П.* Топливный баланс ДВ края // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 10–11. С. 111–133.
5. *Бережников М.* Обзорение фабрично-заводской промышленности Амурской области в 1896 году // Записки Приамурского отделения Русского географического общества. Хабаровск, 1898. Т. 3. Вып. 3. С. 1–146.
6. *Бережников М.* Обзорение фабрично-заводской промышленности Приморской области в 1896 году // Записки Приамурского отделения Русского географического общества. Хабаровск, 1898. Т. 4. Вып. 2. С. 1–143.
7. *Биркенгоф А. Л.* Краткий очерк лесов центральной части полуострова Камчатки // Камчатский сборник. М.–Л., 1940. С. 67–126.
8. *Бонишко С. П.* Как вести правильное хозяйство в лесах местного значения. Хабаровск — Благовещенск, 1928. 80 с.
9. *Бонишко С. П.* Лесное хозяйство // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 10–11. С. 42–66.
10. *Будищев А. Ф.* Описание лесов южной части Приморской области. Изд. 2-е. Хабаровск, 1898. 488 с.
11. *Васильев П. В.* Экономические вопросы развития лесной промышленности и лесного хозяйства на Дальнем Востоке // Вопросы развития лесного хозяйства и лесной промышленности Дальнего Востока. М.–Л., 1955. С. 5–22.
12. *Веденский М. С.* О лесах и лесной промышленности Приамурского края // Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1896. С. 143–154.
13. *Вилясов Б. А.* Леса Дальневосточного края. М., 1933. 246 с.
14. *Вишневатский В. М.* Экономические предпосылки первой русской революции 1905–1907 гг. на Дальнем Востоке // Третья научная конференция по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Вып. 2. Владивосток, 1962. С. 28–32.
15. *Елисеев А. В.* Южно-Усурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. Т. 216. № 6. С. 199–231; № 8. С. 118–158; № 10. С. 78–113.
16. *Жуйкова Н. П.* Заселение Приморья и формирование сети городских поселений // Материалы 2-го научного совещания географов Сибири и Дальнего Востока. Вып. 4. Секция этнографии и географии населения. Владивосток, 1962. С. 32–33.
17. *Ивашкевич Б. А.* Леса Советского Сахалина // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1926. № 4. С. 48–77.
18. *Ивашкевич Б. А.* Экономические факторы лесного хозяйства в Приморье // Экономическая жизнь Дальнего Востока. 1924. № 4 (8). С. 1–17.
19. *Колесников Б. П.* Растительность восточных склонов среднего Сихотэ-Алиня // Труды Сихотэ-Алинского гос. заповедника. 1938. Вып. 1. С. 25–207.
20. Конъюнктурный обзор народного хозяйства Дальневосточного края за 1927–1928 гг. Хабаровск, 1929. 109 с.
21. *Коржинский С. И.* Отчет об исследованиях Амурской области как земледельческой колонии // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общ-ва. 1892. Т. 23. № 4–5. С. 73–138.

22. *Кречетов Н. И., Шейнгауз А. С.* Лесохозяйственное производство и его развитие // Леса Дальнего Востока. М., 1969. С. 358–381.
23. *Крокос П. И.* Перспективы лесопромышленности Дальнего Востока // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 6. Промышленность. Хабаровск — Владивосток, 1927. С. 3–19.
24. *Крюков Н. А.* Приамурский край на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде. Нижний Новгород, 1896. 234 с.
25. *Лашков А. Н.* Лесные культуры Сахалина // Вопросы развития лесного хозяйства и лесной промышленности Дальнего Востока. М.—Л., 1955. С. 163–173.
26. Лесное хозяйство РСФСР и перспективы его развития. М., 1924. 178 с.
27. Лесные богатства СССР. М., 1925. 80 с.
28. Лесопромышленность. Хабаровск, 1912. 108 с.
29. *Маак Р.* Путешествие на Амур. СПб., 1859. 230 с.
30. *Максимов С. В.* На Востоке. Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). СПб., 1864. 588 с.
31. *Малышев В. П.* Развитие лесной промышленности Амурской области // Записки Амурского обл. музея краеведения и общ-ва краеведения. Благовещенск, 1953. Т. 2. С. 57–72.
32. *Манько Ю. И., Журавков А. Ф.* Материалы к истории лесного хозяйства на Дальнем Востоке // Лесоводственные исследования на Дальнем Востоке. Владивосток, 1965. С. 245–270.
33. *Митинский А. Н.* Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб., 1911. 284 с.
34. Меры, принимаемые к упорядочению устройства лесов Приамурского края // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибири. Т. 5. Леса Приамурского края. Вып. 2. Иркутск, 1883. С. 1–162.
35. *Надаров И.* Северо-Уссурийский край // Записки Русского географического общ-ва. 1887. Т. 17. № 1. С. 100–112.
36. *Новоселов Н. С., Кожевников Ф. А., Моисеенко С. Н.* Леса и лесная промышленность ДВК // Вестник Дальневосточного филиала АН СССР. 1938. № 30(3). С. 33–54.
37. Обзор Приморской области за 1899 год. Владивосток, 1901. 96 с.
38. Обзор Приморской области за 1911 год. Владивосток, 1912. 147 с.
39. *Орлов М. М.* Лесоустройство. Т. 2. Л., 1928. 326 с.
40. Отчет о съезде сельских хозяев Приморской области 11–14 ноября 1912 года в г. Никольск-Уссурийский. Хабаровск, 1913. 183 с.
41. *Покишиевский В. В.* К географии дооктябрьских колонизационно-миграционных процессов в южной части Дальнего Востока // Сибирский географический сборник. М., 1962. Вып. 1. С. 85–95.
42. *Рябов Н. С., Обертас В. А.* К истории застройки Владивостока. Владивосток, 1961. 50 с.
43. *Селибер Б. И.* Леса и лесная промышленность СССР. Т. 1. Леса СССР и их эксплуатация. Л., 1930. 496 с.
44. *Сем Ю. А.* Влияние русского народа на малые народы Приамурья, Приморья и Сахалина (XIX в. — февраль 1917 г.) // Записки Приморского филиала Географического общ-ва Союза ССР. Владивосток, 1966. Вып. 25. С. 54–62.
45. *Сергеенко П. Х.* Амгунь-Селемджинская экспедиция и перспективы развития горно-таежных районов // Амгунь-Селемджинская экспедиция АН СССР. Ч. I. Бурейнский отряд. Л., 1934. С. 1–24.
46. *Сочава В. Б.* В стране изюбра // Советский Север. 1931. № 10. С. 97–101.

47. *Стариков Г. Ф.* А. Ф. Будищев — основоположник устройства и обследования лесов Дальнего Востока // Лесное хозяйство. 1959. № 9. С. 89–91.
48. *Строгий А. А.* О размерах лесопользования в Амурской области // Экономические очерки Амурской области. Благовещенск, 1920. С. 18–23.
49. *Тихонова А. В., Сычевский Е. П.* Развитие промышленности, торговли и промыслов в 70–90 годы XIX в. в Амурской области // Сборник студенческих научных работ Благовещенского гос. пед. ин-та. Благовещенск, 1957. Вып. 3. С. 242–252.
50. *Трегубов Г. А.* Обзор лесокультурных работ на Дальнем Востоке до 1948 года // Сборник работ ДальНИИЛХ. 1951. Вып. 3. С. 4–30.
51. *Троицкий И. В.* Лесная промышленность в районе Владивостокского лесничества // Лесопромышленный вестник. 1899. № 15. С. 193–196; № 16. С. 229–232.
52. Труды съезда лесных чинов Приамурского управления государственных имуществ. Хабаровск, 1908. 451 с.
53. *Флеров В. С.* Первые мероприятия Советской власти по охране природных богатств Дальнего Востока от иностранных хищников (1922–1923 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Вып. 4. Томск, 1965. С. 171–193.
54. *Цымек А. А., Соловьев К. П.* Лесное хозяйство Южного Сахалина // Лесное хозяйство. 1948. № 1. С. 81–84.
55. *Цымек А. А.* Основные вопросы рационального размещения лесной промышленности Дальнего Востока // Сборник работ ДВНИИЛХЭ. Хабаровск, 1948. Вып. 1. С. 5–57.
56. *Чубинский П. П.* Общий отчет дорожного отряда. Т. 1. Водные пути. 1913. 716 с.
57. *Шейнгауз А. С.* Освоение лесов и потребление лесных ресурсов на Дальнем Востоке до середины XIX в. // Сборник трудов ДальНИИЛХ. 1971. Вып. 11. С. 11–29.
58. *Янковский М.* О гарантировании природных богатств от уничтожения и истощения // Труды 3-го Хабаровского съезда. Хабаровка, 1893. С. 118–120.